

Милана Усманова

A cinematic portrait of a man and a woman. The man, on the left, has grey hair and a beard, wearing a dark suit. The woman, on the right, has long dark hair in a ponytail, wearing a light-colored sweater. They are positioned in front of a large window showing a city skyline at sunset, with the Taipei 101 building prominent. The lighting is warm and dramatic.

НЕНУЖНАЯ

ставка на любовь

Милана Усманова

Ненужная. Ставка на любовь

<https://litres.ru/74420894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я Зоя Ланская, наследница легендарного часового бренда, талантливый мастер, женщина, которая выкарабкалась после инсульта и поверила, что худшее позади.

Но как же жестоко я ошибалась!

Случайно найденные фотографии разрушили мой мир в одно мгновение: у мужа давно есть другая семья, сын, которого он прятал все эти годы. Пока я оплакивала гибель отца, он праздновал рождение наследника. Пока я заново училась ходить и говорить, он методично лишал меня дела всей моей жизни.

Теперь у меня ничего нет. Ни дома, ни денег, ни семейного дела, которое моя семья создавала поколениями.

Остались лишь старинные карманные часы прадеда. И ледяная ярость внутри. Я жаждала мести.

Сбежав в маленький приморский городок в мёртвый сезон, чтобы привести мысли в порядок, я встретила человека, который предложил мне странное пари...

Иногда, чтобы понять жизнь по-настоящему, увидеть иные возможности, нужно, к сожалению, потерять абсолютно всё.

Содержание

Глава 1. Изнанка	4
Глава 2. Западня	18
Глава 3. Сборы	27
Глава 4. Отъезд	34
Глава 5. Подруга	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Милана Усманова

Ненужная.

Ставка на любовь

Глава 1. Изнанка

Проснулась я от солнечного луча, упавшего на подушку. Март выдался на удивление ясным, и свет заливал спальню густым янтарным потоком, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Потянулась, чувствуя приятную истому в теле, и несколько секунд просто лежала, прислушиваясь к себе.

Три года назад всё было иначе. Тогда я просыпалась рывком, в холодном поту, и первым делом проверяла, слушается ли правая рука, двигаются ли пальцы, не онемела ли половина лица. Инсульт в тридцать восемь – это очень и очень плохо... Месяцы реабилитации, бесконечные занятия с логопедом, лечебная физкультура до дрожи в мышцах. Я выкабалась. Врачи твердили, что это чудо, я же знала, что это наше семейное упрямство, ведь Ланские не сдаются.

Сейчас от болезни остались только фантомные следы: иногда по утрам чудился тремор в пальцах, которого не было, иногда казалось, что правая нога слушается хуже левой,

хотя обследования показывали норму. Тело помнило страх, оно всё ещё отказывалось верить, что кошмар позади.

Откинув одеяло, села на край кровати. Пошевелила пальцами правой руки, всё работало, никаких задержек в реакции. Грустно усмехнулась собственной мнительности и пошла в душ.

Влад уехал ещё в четверг утром: переговоры с китайской делегацией затягивались, но он пообещал вернуться к субботнему завтраку. Раньше я скучала в его отсутствие, сейчас, если честно, даже наслаждалась тишиной. Странно, но в последний год мне всё чаще хотелось побыть одной.

Внизу уже хлопотала Тамара. Когда я спустилась на кухню, завтрак ждал меня на столе: омлет с травами, тосты с авокадо, свежевыжатый апельсиновый сок. Тамара работала у нас пятый год, и за это время превратилась из домработницы в кого-то вроде заботливой тётушки.

— Доброе утро, Зоя Петровна. Выспались?

— Доброе, Тamarочка, выспалась прекрасно.

Она поставила передо мной чашку кофе, и я благодарно обхватила её ладонями, вдыхая горьковатый аромат. Тамара неодобрительно покачала головой.

— Вам бы чаю лучше или тогда уж цикорий. Кофе сердце разгоняет.

— Одну чашечку можно, — улыбнулась я. — Врач разрешил.

Мы обе знали, что врач разрешил полчашки, но Тамара

лишь вздохнула и отошла к плите, спорить со мной было бесполезно.

Завтракала я медленно, листая новости на планшете. Ничего интересного: политика, скандалы, курс доллара. Мир за окном жил своей суетливой жизнью, а я сидела в уютной кухне загородного дома, ела омлет и думала о том, что завтра приедет Влад и нужно решить, что приготовить на ужин, ведь у помощницы будет выходной.

Телефон зазвонил, когда я допивала кофе. Номер высветился незнакомый, но городской.

— Зоя Петровна? Здравствуйте, это Марина.

— Привет, Марина.

— Простите, что беспокою, но у нас тут небольшой аврал. Влад Давидович на переговорах, телефон отключён, а мне срочно нужны копии договоров со швейцарцами. Контракт на поставку механизмов, там три приложения ещё. В понедельник отчёт в налоговую, бухгалтерия с ума сходит.

— Договоры? — переспросила я.

— Да, Влад Давидович говорил, что хранит копии важных бумаг дома, в кабинете. Не могли бы вы посмотреть? Я пришлю курьера.

— Хорошо. перезвоню, когда найду.

Положила трубку и допила остывший кофе. В кабинет Влада я заходила редко: это было его пространство, его территория. После болезни я вообще мало интересовалась делами компании, хотя являлась хозяйкой. Влад взял всё на

себя, а я была ему благодарна, потому что сил вести дела тогда не осталось. И не появилось до сих пор.

Поднялась на второй этаж. Кабинет располагался в конце коридора, рядом с моей бывшей мастерской. Дверь в мастерскую я держала закрытой, отпирала раз в неделю, чтобы лично там прибраться и всё, ни разу со времени болезни я не прикоснулась к инструментам.

В кабинете Влада царил лёгкий хаос: на столе громоздились папки, на спинке кресла висел забытый пиджак. Влад всегда был немного неряшлив в быту, хотя на людях выглядел безупречно.

Выдвинула верхний ящик стола. Ручки, скрепки, визитки. Второй ящик с подписанными скоросшивателями: «Аренда», «Персонал», «Налоги»... Я перебирала корешки, ища нужный контракт. «Швейцария» обнаружилась в самом низу, толстая папка с тремя разделами. Вытащила, положила на стол.

В третьем ящике папок не было, какие-то журналы, коробка с запонками, флешки без маркировки. И конверт из плотной коричневой бумаги, без надписи. Я не собиралась его открывать, просто сдвинула в сторону, чтобы проверить, нет ли под ним ещё документов. Конверт был не заклеен, и край его отогнулся, обнажив глянцевую поверхность фотографии.

Я машинально вытащила снимок.

На фоне какой-то детской площадки, солнечно улыбаясь в

камеру, и держа на руках мальчика лет трёх, счастливо улыбался Влад, рядом с ним стояла молодая блондинка с пухлыми губами и ярко-зелёными, чуть раскосыми глазами. Она плотно прижималась к боку моего мужа, положив голову ему на плечо, и улыбка её была такой безмятежной, такой хозяйской, что у меня перехватило дыхание.

Достала остальные фотографии. Их было много, штук десять.

Вот та же женщина, беременная, в обтягивающем платье. Влад обнимает её сзади, руки на животе.

Вот младенец в голубом конверте. Влад держит его с тихой гордостью, какой я никогда у него не видела.

Вот мальчик делает первые шаги, вцепившись в пальцы Влада.

Вот торт со свечками. Мальчик дует на них, мой супруг и женщина смеются по обе стороны.

На последней фотографии, на обороте, почерком Влада было выведено: «Мои любимые. Лето 2024».

Я машинально подсчитала. Если ребёнку сейчас три года, значит, он родился в две тысячи двадцать втором. Тогда погиб отец и у меня случился инсульт на фоне безграничного горя от утраты...

Пока я лежала в реанимации, опутанная трубками и проводами, раздавленная горем и болезнью, пока врачи гадали, выживу ли я и смогу ли когда-нибудь говорить, эта женщина родила ему сына.

А до ребёнка он ведь встречался с этой блондинкой... Так сколько же лет Влад приходил домой, целовал меня, спрашивал о самочувствии, ложился рядом в постель, при этом мечтая о другой? Как долго он жил двойной жизнью, а я ничего не замечала?

Мир перед глазами качнулся и я тяжело опустилась в кресло. Фотографии рассыпались по столу глянцевым вее-ром.

Я сидела и смотрела на улыбающееся лицо мужа, на женщину, прижимающуюся к нему, на их совместного ребёнка, так похожего на Влада, то же лукавое выражение, тот же разлёт бровей.

А внутри меня с каждым мгновением осознания всей глубины его предательства образовывалась непроглядная, ледяная пустота.

Не знаю, сколько просидела так. Пять минут, десять, час?

Из небытия меня вырвала вибрация телефона, звонили из офиса. Я не хотела отвечать, но сделала это, чтобы зацепиться за реальность, чтобы не дай Боже, меня снова не хватил удар, от которого я уже точно не оправлюсь.

— Зоя Петровна, вы нашли бумаги?

— Да, — хрипло ответила я. — Нашла...

— Отлично! Тогда вышлю к вам курьера...

Сбросив вызов, я медленно собрала фотографии, положила обратно в конверт. Руки не дрожали, что было странно, я ждала тремора, но его не было.

Взяла папку со швейцарским контрактом, спустилась вниз. Пока ждала посыльного, набрала номер Влада. «Абонент временно недоступен». Интересно, он точно на переговорах или проводит время со своей второй, любимой семьёй?

Курьер забрал документы через час. Я расписалась в накладной, закрыла за ним дверь и несколько минут стояла в холле, глядя на своё отражение в зеркале. Бледное лицо, тёмные глаза, сжатые губы. Я не узнавала себя.

Прошаркала до гостиной, села на диван и, найдя в сотовом нужный контакт, позвонила.

— Слушаю, — раздался знакомый хриловатый бас.

— Анатолий Семёнович? Это Зоя Ланская.

— Зоенька? — голос мгновенно потеплел. — Не узнал, девочка, прости. Да и номер другой, сменила, что ли? Вот так приятный сюрприз. Как ты, девочка?

— Всё относительно неплохо. И простите, что звоню лишь тогда, когда мне нужна ваша помощь...

Анатолий Семёнович Верховцев, полковник в отставке, был другом моего отца ещё с армейских времён. Они вместе служили где-то на Дальнем Востоке, потом отец принял часовое дело от дедушки, а Верховцев сделал карьеру в органах. На пенсию он вышел лет десять назад, но связи, я на это надеялась, сохранил. На похоронах отца со скрытыми слезами на глазах он стоял рядом со мной и неловко гладил по плечу.

— Приезжай, — сказали мне без лишних вопросов. —

Адрес помнишь?

— Да, спасибо!

Тамара проводила меня встревоженным взглядом, но расспрашивать не стала. За это я была ей благодарна, поэтому я никогда и не думала её уволить, даже когда видеть никого не хотела.

Анатолий Семёнович жил в старой пятиэтажке в тихом спальном районе, в двухкомнатной квартире, набитой книгами и старыми фотографиями. Он открыл дверь сразу, будто ждал под ней.

— Проходи. Чаю будешь?

— Не откажусь.

На кухне пахло табаком и мятой. На подоконнике теснились горшки с геранью, между ними лежал толстый рыжий кот, кинувший на меня равнодушный взгляд жёлтых глаз, а на стене, над холодильником, висела выцветшая фотография: молодой Анатолий Семёнович и рядом мой отец, тоже молодой, с густыми чёрными усами, которые он сбрил ещё до моего рождения. Они обнимались, смеясь в камеру, а за их спинами виднелись сопки, поросшие редким лесом.

Верховцев поставил передо мной кружку с крепким чаем, сел напротив, сложив на столе широкие ладони в старческих пигментных пятнах. За последние годы он сильно сдал: обрюзг, поседел окончательно, стал медленнее двигаться. Но глаза остались прежними – цепкими, внимательными, глазами человека, который привык видеть людей насквозь.

— Рассказывай.

Я положила на стол конверт с фотографиями. Он вытащил снимки, просмотрел молча, один за другим. Выражение его лица не изменилось, но пальцы чуть дрогнули на последнем снимке.

— Это всё, что у тебя есть?

— Да.

— Когда нашла?

— Случайно сегодняшним утром.

Он отложил фотографии, с силой потёр переносицу.

— Ты с ним поговорила? Спросила как это понимать?

— Влад в командировке и телефон недоступен.

— Зоя, — он посмотрел на меня в упор, — ты понимаешь, что это может означать?

— Понимаю.

— И что ты хочешь от меня?

— Узнать, кто она. Где живёт. Как давно это длится.

Он помолчал, разглядывая меня. Я выдержала его взгляд.

— Пока я хоть что-то разузнаю, пройдёт время, — отозвался он наконец. — Тебе проще спросить Влада в лоб, не думаю, что он станет юлить, доказательства вот они, неопровержимые. И тем не менее, я пробую инфу, свяжусь с тобой, когда будет хоть что-то.

— Спасибо, Анатолий Семёнович.

— Не бойся спросить напрямую, чтобы не мучиться догадками, тебе нельзя волноваться. Прежде всего помни о се-

бе и люби себя. Твой отец бы не одобрил. Не вздумай изводить себя. А то, что у твоего мужа есть тайная жизнь... Сукин сын он, вот кто. Подонок. Начистить бы ему морду!

Его искренность вдруг подействовала на меня неожиданно, я расплакалась, слезы потекли по щекам, плечи затряслись и унять эту слабость я никак не могла.

— Ну что ты, дочка, — подскочил старый вояка, подошёл ко мне и неловко погладил по голове. — Поплачь, полегчает.

Обратно снова поехала на такси. Глядя в окно на серые улицы, думала о своей жизни. Мартовское солнце спряталось за тучи, и город выглядел унылым, вылинявшим. Мимо проплывали знакомые здания, вывески, перекрёстки, а я размышляла о том, как всё странно сложилось: ещё вчера утром я была счастливой женщиной, выздоровевшей после тяжёлой болезни, любимой женой успешного мужчины. А сегодня ехала домой с пачкой фотографий в сумке, которые перечеркнули всё, во что я верила.

Отец погиб три года назад. Он возвращался поздно вечером после встречи с поставщиками. На перекрёстке, в трёх километрах от его дома, в его машину влетел грузовик. Водитель был пьян и не заметил красного сигнала светофора. Отец умер на месте. Если верить врачам, не мучился. И я цеплялась за эту мысль как за соломинку. Виновника посадили за решётку на десять лет.

Инсульт случился через неделю после похорон. Я не ела, не спала, не могла поверить, что папы больше нет. И вот од-

ним утром я, проснувшись, не смогла пошевелить правой рукой, не смогла ничего, даже позвать на помощь, потому что язык не слушался.

Влад вызвал скорую. Потом были месяцы реабилитации, бесконечные занятия с логопедом, лечебная физкультура до дрожи в мышцах. Я шаталась, как пьяная, и говорила с трудом, проглатывая окончания слов. Речь восстановилась месяца через три, а тогда каждая фраза давалась мучительно, будто я заново училась пользоваться собственным языком.

Отец был единственным по-настоящему родным мне человеком. Мама умерла от почечной недостаточности, когда мне было всего три года, и с тех пор мы с папой жили вдвоём. Он научил меня всему: читать чертежи, держать инструмент, чувствовать душу механизма. Отец верил в меня, когда я сама не верила. Он был моей скалой, опорой.

Вернулась домой к вечеру. Тамара уже ушла. В холодильнике обнаружился ужин под плёнкой: запеканка и салат. Есть не хотелось, но я заставила себя. Мне нужны силы, я не хотела снова стать беспомощной живой куклой.

Ночь тянулась бесконечно. Я лежала в темноте, невидящим взглядом уставившись в потолок. Лишь под утро забылась тяжёлым, муторным сном.

В субботу Влад приехал к одиннадцати утра.

Я слышала шум машины на подъездной дорожке, как проскрипел гравий под колёсами. Потом хлопнула входная дверь, раздались шаги в прихожей.

— Зоя? Я дома!

Голос его звучал бодро. Я стояла на кухне, у плиты, готовя ему на завтрак яичницу с беконом, тосты, кофе.

Влад вошёл на кухню, и на секунду я увидела его так, будто впервые. Высокий, подтянутый, в дорогом кашемировом пальто и клетчатом шарфе. Лицо усталое, но довольное. Холёный, успешный, красивый мужчина сорока лет. Мой муж.

— О, завтрак! Тамара сегодня выходная? Впрочем, твоя яичница куда вкуснее! — улыбнулся он, подошёл, чмокнул меня в макушку. — Соскучилась?

Я не ответила, а он и не заметил, поскольку уже вышел из кухни и пошёл мыть руки. Вскоре вернулся, сел за стол и я поставила перед ним тарелку.

— Переговоры прошли отлично, — заговорил Влад с набитым ртом. — Китайцы согласились на наши условия. Это будет прорыв, Зоя. Мы выходим на азиатский рынок!

Я смотрела на него и вспоминала нашу первую встречу. Пятнадцать лет назад. Он пришёл устраиваться менеджером в мастерскую отца. Простой парень из провинции, из маленького городка под Саратовом, в дешёвом костюме с лоснящимися локтями и растянутыми в области колен штанах, но с горящими глазами и обаятельной улыбкой. Я тогда только закончила обучение у женевского мастера, вернулась домой, полная планов и надежд.

Влад ухаживал за мной красиво: цветы каждое утро, стихи, прогулки по ночной Москве. Он читал мне Бродского на

набережной, и голос его дрожал от волнения. Он говорил, что никогда не встречал такой женщины, как я. Что я его судьба, его единственная. Что он готов ждать сколько угодно, лишь бы я была рядом.

Отец поначалу хмурился: «Зоенька, он же ничего не умеет, кроме как языком молотить». Но Влад учился быстро, схватывал на лету, и через пару лет стал виртуозно вести переговоры, находить клиентов, и в итоге выстроил хорошую логистику. Отец смягчился, хотя, кажется, так до конца и не принял зятя.

Может, он что-то чувствовал. Может, видел то, чего не видела я в силу своей незрелости и влюблённости.

Теперь я смотрела на мужа, который сидел за столом нашей кухни, ел мой завтрак, и думала: когда он перестал меня любить? Или никогда и не любил? Может, с самого начала видел во мне только ступеньку вверх, дочь известного мастера, наследницу бренда?

— Зоя? — Влад оторвался от телефона. — Ты какая-то бледная. Плохо спала?

— Влад, — сказала я, и голос мой прозвучал ровно, буднично, — кто эта женщина? — и выложила на стол фотографию, которую прятала в кармане фартука.

Он замер с чашкой в руке, не мигая уставившись на снимок, после медленно поднял свои голубые глаза на меня. С каждой секундой его лицо всё сильнее менялось. Недоумение сменилось страхом, а после и злостью.

— Зоя... — начал он.

— Кто она? — настойчиво повторила я. — И чей это ребёнок?

— Зоя, ты посмела рыться в моих вещах? Вот не лезла бы не в своё дело, и всё осталось бы по прежнему, но нет же... Поэтому пеняй на себя.

Глава 2. Западня

— Пеняй на себя, — повторил Влад, и голос его звучал теперь как-то иначе, без привычной бархатистой мягкости, без обволакивающих интонаций, которыми он умел расположить к себе кого угодно.

Я смотрела на него и не узнавала. Передо мной сидел чужой человек с холодными, оценивающими глазами, и в глазах этих не было ни капли раскаяния, ни тени смущения, только расчёт и едва скрываемое раздражение. А ещё усталость..., он устал от меня.

— Я хотел дать тебе ещё пару месяцев, — продолжил муж, отодвигая тарелку с недоеденной яичницей. — Думал, к лету спокойно поговорим, я предложу развод, всё цивилизованно, я вовсе не собирался бросать тебя на улице, Зоя. Ты бы получила содержание на первое время, пока не нашла бы работу, сняла бы себе квартиру в неплохом районе. Я даже присмотрел пару вариантов, вполне приличных.

Я замерла, не совсем понимая, что он такое сейчас говорит? Что за белиберда?

— Работу? — переспросила недоумённо, и собственный голос предательски дрогнул. — Снять неплохую квартиру? Влад, ты в своём уме? Мне есть где жить! И работать тоже! Этот дом купил мой отец. Квартира в Москве приобретена в браке, значит, будет разделена пополам, как и автомобили.

А фирма останется у меня, потому что ты к ней не имеешь никакого отношения. Ты наёмный работник, и я тебя сегодня же уволю!

Влад криво усмехнулся, а потом, не сдержавшись, коротко злобно хохотнул. Торжествующе и ядовито. От этого смеха у меня всё похолодело внутри, я почувствовала как тревога ледяными когтями сжала сердце.

— Наёмный работник, значит, — протянул он, откидываясь на спинку стула. — Интере-е-сно. А ты, выходит, ничего не помнишь?

— Что я должна помнить? — нахмурилась я, стараясь не давать панике затуманить разум.

— То, как сама, собственной рукой, подписала бумаги. Дарственную на дом и на компанию. Всё честь по чести, заверено нотариально.

Кровь отхлынула от лица в ту же секунду. Я почувствовала, как немеют кончики пальцев, и судорожно вцепилась за край стола.

— Лжёшь.

— Лгу? — Влад достал телефон, полистал что-то, повернул экран ко мне. — Вот скан. Видишь подпись? Она твоя. И дата, обрати внимание, полтора года назад, октябрь двадцать третьего, ты тогда уже вполне сносно соображала.

Я смотрела на экран, на строчки текста, на закорючку внизу страницы, и да, пусть подпись была поставлена неровной рукой, но она точно была моей. В голове стало гулко, как в

зброшенном доме.

— Я... я... ничего не подписывала, — прошептала я, на глазах проступили слёзы обиды.

— Подписывала, — отрезал Влад, убирая сотовый. — Это не подделка, ты прекрасно это знаешь. Другое дело, что ты, возможно, не вчитывалась в текст, настолько верила мужу. Трогательно, конечно, но сейчас это твои проблемы, Зоя, не мои.

Он встал, поправил ворот рубашки, провёл ладонью по волосам, приглаживая их. Движения его были спокойными, размеренными, будто он только что обсудил со мной погоду или планы на отпуск.

— Я не люблю, когда роются в моих вещах без спроса. И ты всегда знала это негласное правило, но нарушила его, поэтому никаких денег ты не увидишь, за ошибки надо платить. Не прояви ты своё тупое любопытство, наше расставание могло бы пройти куда мягче. Ладно, Зоя... Я сейчас уеду в городскую квартиру, а ты пока собери вещи. Не торопись, у тебя два дня. Затем я пришлю людей, чтобы они помогли тебе с переездом.

— Куда? С переездом? — вырвалось у меня, я ощущала себя так, будто меня облили помоями.

— Куда хочешь. Я же выделял тебе карманные, они твои,ними на них что-то, или поезжай к подругам. Повторюсь, это уже не моя забота. Этот дом уже давно только мой, и я хочу, чтобы в нём вырос мой сын и наследник «Часового

дома Ланских», правда, очень скоро я сделаю полный ребрендинг и фирма станет именоваться «Часовой дом Потапкиных», вот так-то, Зоенька.

И направился к двери, а я смотрела ему в спину, не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни слова. В голове билась одна мысль, тупая и бессмысленная: это не может быть правдой, это какой-то кошмар, сейчас я проснусь и всё это окажется лишь дурным сном.

У порога Влад обернулся.

— Да, и не вздумай закатывать истерики или угрожать судом. Не надо поднимать шумиху, сама же и опозоришься. Все документы в полном порядке, комар носа не подточит. Прими это достойно, Зоя. В конце концов, тебе сорок один год, ещё не старость, ты здорова, руки-ноги на месте. Проживёшь как-нибудь.

Входная дверь закрылась тихо, но для меня оглушительно, так, что в ушах зазвенело. Кухня перед глазами поплыла, меня затошнило, я не могла сделать и вдоха, странная ледяная тяжесть придавила так, что вот-вот и расплющит.

— Д-дыш-ши... — непослушными губами приказала самой себе, вышло сипло, едва-едва слышно, но это дало толчок и я, крепко зажмурившись через силу втянула в себя жизненный кислород. Выдохнула и вдохнула снова. При этом не позволяла себе ни на секунду думать о только что произошедшем разговоре, чтобы жить, мне нельзя волноваться. Волнение смерти подобно, как мантру повторяла я про себя,

перед внутренним взором вдруг возник мягко улыбающийся образ папы.

«Ланские не сдаются, дочка! Ты выберешься, я в тебе уверен! — услышала я его глубокий баритон. — А “Часовой дом Потапкиных” даже звучит смешно!», — фыркнул он в конце и я... тихо рассмеялась, но не весело, а истерично.

Распахнула глаза, с трудом разжала пальцы, которые вцепились в край стола так, будто от этого зависела моя жизнь, впрочем, так оно и было, и медленно встала. Ноги не держали, пришлось опереться о спинку стула. Постояла так, пережидая слабость, потом медленно прошла в гостиную, подойдя к окну и, стараясь дышать спокойно, задумалась.

Октябрь двадцать третьего, восемнадцать месяцев назад я своей рукой подписала себе приговор. Я напряглась ещё сильнее, пытаюсь выудить из тумана хоть какие-то воспоминания. Тогда я уже ходила сама, говорила почти нормально, хотя быстро уставала и часто путала слова. Влад возил меня на процедуры, следил за приёмом лекарств, приносил чай в постель. Любящий муж, преданный супруг.

Бумаги... Были ли какие-то бумаги?

И тут вспомнила поездку в город. Влад ведёт машину, я сижу рядом, голова тяжёлая, ватная, после изнурительных занятий, перед глазами всё плывёт. Мы куда-то едем, он что-то объясняет про документы, про фирму, про то, что нужно подписать бумаги, иначе счета заблокируют, но его слова доносятся до меня как сквозь толщу воды.

«Зюенька, это просто формальность. Страховка на всякий случай, чтобы я мог платить по счетам, распоряжаться делами, пока ты восстанавливаешься. Ты же не хочешь, чтобы фирма простаивала? Люди должны получать зарплату. Нам надо заплатить поставщикам, продлить аренду склада, там много текущих вопросов...»

Я кивала, плохо понимая, о чём он говорит. Голова сообщала туго, хотелось закрыть глаза и уснуть прямо здесь, в машине. Потом меня привели в кабинет, где за столом сидела женщина средних лет...

«Вы Зоя Петровна Ланская? Вы осознаёте правовые последствия данного договора?»

Я промямлила, что да, осознаю. Голова гудела, хотелось покоя. Муж сидел рядом, держал меня под локоть, поддерживал, проявляя так нужную мне заботу.

«Вы добровольно, без принуждения, дар...», — её слова слились в монотонный поток, бу-бу-бу, бу-бу-бу.

Передо мной положили целый ворох бумаг. Влад показывал, где расписаться, ласково направлял мою руку, потому что мои пальцы ещё плохо слушались. Я с трудом, но выводила свою фамилию. И вот Влад сложил документы в портфель, поблагодарил юриста и заплатил.

И мы, наконец-то, поехали домой. Как добрались я уже не помнила.

Убийственное осознание всей масштабности произошедшего снова попыталось придавить меня к земле, убить...

Как же я могла быть такой дурой?! Такой наивной и слепой! Меня привезли, как овцу на заклание, и я послушно подставила шею под нож.

Но мне нельзя корить себя за эту ошибку, ведь я болела, и Влад воспользовался моей слабостью. Я доверяла ему безоговорочно, он ведь был единственным во всём мире близким мне человеком... А на поверку дражайший супруг оказался аферистом, который вовсе никогда меня не любил. Он любил лишь мои деньги и статус, который эти деньги давали.

Мне жизненно необходим толковый адвокат.

Семёнов Гаврила Степанович, который вёл дела отца и потом мои, два года назад ушёл на пенсию. Вместо него Влад взял в штат какого-то нового юриста, молодого и энергичного, как он говорил. Обращаться к этому новому не было никакого смысла: ясно же, на чьей он стороне.

Но Семёнов... Дядя Гава, как я его называла в детстве, когда он приходил к отцу обсуждать какие-то скучные взрослые дела, а потом угощал меня шоколадными конфетами из кармана своего неизменного серого пиджака. Не думаю, что он практикует, ему всё же уже больше семидесяти пяти, но вот дать толковый совет точно сможет.

Я нашла в телефоне его номер и решительно набрала.

Гудок, второй, третий. Я уже готова была сбросить вызов, когда в трубке раздался знакомый надтреснутый, старческий голос:

— Алло? Зоенька?

— Гаврила Степанович, да это я, здравствуйте!

— Сколько лет, сколько зим. Как ты, деточка?

Я открыла рот, чтобы ответить дежурное «хорошо», но к горлу подступил горький комок. Не хватало ещё разрыдаться в трубку.

— Гаврила Степанович, простите за беспокойство. Просто я в отчаянии и мне больше не к кому обратиться. Я понимаю, что вы на пенсии, что это неуместно, н-но...

— Что случилось? — его голос вмиг посерьёзшел.

— Это долгий разговор. Мы могли бы встретиться?

— погоди, деточка, я сейчас в санатории, в Кисловодске. Сердце пошаливает, врачи загнали на воды. Встретиться не получится, но ты расскажи, что стряслось. Я весь внимание.

Я села на диван, собралась с мыслями и начала говорить. Про фотографии, другую женщину и ребёнка; про слова Влада о переоформленных документах, не умолчала и о том, что он велел мне в течение двух дней освободить дом.

Гаврила Степанович слушал молча, не перебивая. Только когда я закончила, тяжело вздохнул.

— Вот, значит, как обернулось. Признаться, я всегда этому твоему Владу не доверял. Масляный он какой-то, скользкий. Пётр Алексеевич, царствие ему небесное, тоже его недолюбливал, только напрямую говорить тебе не хотел, боялся обидеть.

Я тихо всхлипнула, но тут же закусила кулак, чтобы не дать себе расклеиться, боль немного отрезвила.

— Потапкин всегда слишком гладко стелил, слишком правильные слова говорил. Впрочем, это уже неважно. И не дело сыпать тебе соль на рану. Значит так, Зоя, раз ты всё же что-то подписала и сделала это добровольно, то дело сложное...

— Гаврила Степанович, в-вы хотите сказать, безнадёжное?

— Безнадёжных дел не бывает, дочка. Уж поверь старику.

Глава 3. Сборы

— Скажи мне, Зоя, у тебя сохранились медицинские документы за тот период? Справки, выписки, результаты обследований?

Я задумалась, где-то в шкафу лежала толстая папка со всеми бумагами, которые накопились за время болезни. Тамара тогда собрала их, аккуратно разложив по датам.

— Да, должны быть. Я всё сохранила.

— Вот это уже отлично! Понимаешь, Зоенька, если мы сможем доказать, что в момент подписания ты не могла в полной мере осознавать значение своих действий, сделку можно попытаться оспорить. Есть такое понятие в законе: сделка, совершённая гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими. Тебя ведь не лишали дееспособности?

— Нет.

— Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что тебя не признали недееспособной официально. Плохо, потому что формально ты была в своём праве подписывать что угодно. Но если медицинские документы подтвердят, что в октябре двадцать третьего ты всё ещё проходила реабилитацию, что у тебя были когнитивные нарушения, проблемы с концентрацией, с памятью... Это может стать основанием для иска.

— И каковы шансы?

Он помолчал, и в этом молчании я услышала многое для меня не очень приятное.

— Небольшие, дочка. Не стану тебя обманывать. Нотариус заверил сделку, а значит, формально проверил твою дееспособность. Впрочем, попытаться всё равно стоит. Собери все медицинские бумаги, какие найдёшь. Я позвоню тебе через пару дней, подумаю, посоветуюсь кое с кем из старых знакомых. Есть у меня один человек, толковый юрист по гражданским делам...

— Спасибо, дядя Гава.

— Не благодари пока. И помни: не делай резких движений. Не скандаль, не угрожай. Пусть думает, что ты сломлена, а мы тем временем соберём всё, что нам нужно.

Я положила трубку и несколько минут сидела неподвижно, глядя в окно. Небо затянуло тучами, и мартовский день, такой солнечный утром, после обеда посерел и нахмурился.

Потом снова взяла телефон и набрала номер Верховцева.

— Зоенька? — голос полковника звучал встревоженно, — что-то случилось? Ты вчера только была у меня...

— Случилось, Анатолий Семёнович. Влад вернулся, и оказалось, что всё гораздо хуже, чем я думала.

Я рассказала ему всё: про дарственные, про переоформленные документы, про два дня, которые мне дали на сборы. Верховцев слушал молча, только дыхание его становилось всё тяжелее.

— Сволочь, — выдохнул он, когда я замолчала. — Какая

же сволочь. Мало того, что бабу завёл, так ещё и обобрал тебя, пока ты болела. Да я бы ему...

Он осёкся, явно проглотив несколько крепких слов.

— Ладно. Значит так, деточка. Я ускорю проверку по той женщине. Информация — это оружие, и чем больше мы узнаем о Потапкине, тем лучше. Надеюсь, и на его любовницу что-нибудь накопаем. Держись, Зоя. Я ускорюсь и позвоню сразу, как хоть что-то узнаю.

После разговора с Верховцевым странное спокойствие снизошло на меня. Не смирение, нет. Скорее холодная, расчётливая ясность. Времени на слёзы и самобичевание не осталось. У меня всего сорок восемь часов и нужно действовать.

Я поднялась с дивана и пошла наверх, в мастерскую.

Дверь открылась со знакомым скрипом. Я щёлкнула выключателем, и мягкий свет залил помещение, выхватывая из полумрака верстак, полки с инструментами, шкафы с оборудованием. Здесь всё осталось так, как было три года назад, только тонкий слой пыли припорошил поверхности, несмотря на мои еженедельные уборки.

Я провела ладонью по рабочему столу, который забрала из мастерской отца после его гибели. Тоска кольнула сердце, я физически ощутила острую боль. Помассировав центр груди, постаралась успокоиться и, отвернувшись, подошла к шкафу, вынула из него сложенные картонные коробки, придала им форму, заклеила скотчем, и принялась методично

упаковывать все свои инструменты: отвёртки, пинцеты, лупы; специальные масла и смазки. Микроскоп, который отец привёз из Швейцарии. Набор для полировки корпусов. Каждый предмет я заворачивала в мягкую ткань, укладывала бережно, как ребёнка. Это моё наследство, моё ремесло, моя жизнь. Ничего из этого Влад не получит.

Работа затянулась. Я упаковывала вещь за вещью и лишь к часу ночи закончила. Четырнадцать коробок заполнили всё пространство комнаты, аккуратно подписанные и запечатанные скотчем. Утром вызову грузовик, чтобы он отвёз всё это и верстак в том числе на платный склад, пусть полежат там, пока я не решу, что делать дальше.

Затем настала очередь массивного, старого сейфа. Набрала код и тяжёлая дверца открылась с глухим щелчком. Внутри лежали пачки купюр, перетянутые резинками, папка с какими-то документами и бархатный футляр.

Деньги я пересчитала: пятьсот тысяч рублей, убрала в сумку. Потом открыла футляр. На тёмном бархате покоились старинные карманные часы. Прадедовская работа, 1898 год. Корпус из потемневшего серебра, циферблат цвета слоновой кости, на крышке гравировка: «LANSKOY №1». Первые часы, которые сделал мой предок, основатель династии. Они до сих пор работали, отмеряя секунды тихим, ровным тиканьем, мы не позволяли им остановиться, бережно ухаживая, если надо производили ремонт, сменяли детали.

Я прижала их к груди и несколько мгновений просто сиде-

ла так, чувствуя биение механического сердца. Потом убрала часы в сумочку к деньгам и застегнула молнию.

Теперь банковские карты.

Открыла приложение на телефоне, проверила баланс. Триста двадцать три тысячи на одной карте, восемьдесят пять на другой, сто девяносто пять на третьей. Пока не заблокировано, но Влад мог в любой момент заморозить счета, он же теперь единственный владелец всего. Я не сдержала горький смешок.

Время было половина второго ночи, но ждать до утра слишком рискованно. Поэтому накинула куртку, схватила ключи от машины и вышла в ночь.

Мартовский холод обжёг лицо, забрался под одежду ледяными пальцами. После прошедшего дождя асфальт блестел в свете фонарей, будто покрытый чёрным лаком, а в лужах дрожали размытые отражения уличных фонарей. Я устроилась в салоне, включила двигатель, и тёплый воздух из печки постепенно отогнал озноб.

Ближайший банкомат нашёлся у торгового центра в десяти минутах езды. Улицы были пусты, только редкие фонари разгоняли темноту жёлтыми пятнами света. Я вставила первую карту, набрала пин-код. Снять можно было лишь сто тысяч за раз. Сняла, сунула купюры в сумку. Потом ещё раз. Повторила процедуру с другими картами.

К трём часам я вернулась домой с шестьюстами тысячами наличными в сумке. Вместе с теми, что были в сейфе, набра-

лось чуть больше миллиона. Кому-то это большие деньги, но в моей ситуации, когда меня ждёт суд – это копейки.

Приняла душ, выпила магний и легла в кровать, но, увы, сон не шёл.

Я лежала в темноте и думала, что утром, после того как вызову грузовик, продолжу сборы. Первым делом упакую все украшения: золотые серьги, браслеты, бриллиантовое кольцо, которое Влад подарил на десятилетие свадьбы.

А потом... Куда мне податься?

В Москве есть несколько приятельниц. Жёны партнёров и клиентов, с которыми мы пересекались на светских мероприятиях, но назвать их подругами язык не поворачивался. Мы обменивались любезностями, пили шампанское на вечеринках, обсуждали сплетни. Ничего настоящего.

Близких родственников у меня не осталось. А те кто был... В общем, завистливые они люди и связи с ними отец давным-давно оборвал.

Повернулась на другой бок, из приоткрытого окна подул ветерок, коснулся моего разгорячённого лица, холодом лизнул щёки, и тут я вспомнила... Маленький приморский городок на юге, куда мы с отцом ездили каждое лето, когда я была маленькой. Солёный ветер, крики чаек, песчаный пляж, усыпанный ракушками. Папа учил меня плавать, а вечерами мы сидели на веранде съёмного домика, и он рассказывал мне о часах, о механизмах, о нашей семье.

Ейск. Я поеду туда, чтобы собраться с силами и подумать.

К тому же, там живёт Вячеслава Донцова, моя хорошая однокурсница. Мы дружили в университете, потом жизнь развела нас в разные стороны. Лет десять назад она переехала именно туда, в этот приморский городок. Какое-то время Слава настойчиво писала, звонила мне, приглашая в гости, а я всё кормила её обещаниями и так и не приехала. Потом она выскочила замуж, родила детей, и в итоге мы вовсе прекратили общаться, каждая занятая проблемами своей жизни.

Утром позвоню ей, решила я. Спрошу у неё совета, может, она к моему приезду подберёт мне квартиру, в которой я смогу остановиться ненадолго.

С этой мыслью я наконец провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Глава 4. Отъезд

Утро началось с кофе и телефонного звонка. Я сидела, сжимая в ладонях горячую чашку, и слушала гудки по громкой связи. Один, второй, третий... На пятом Слава ответила, её заспанный и удивлённый голос заполнил пространство кухни:

— Алло? Зоя? Ланская, ты ли это?!

— Привет, Слав. Прости, что так рано. И что вообще звоню после стольких лет молчания...

— Да ладно тебе! — она мгновенно проснулась, и в голосе зазвенела прежняя, такая знакомая с юности живость. — Я так рада тебя слышать! Сколько мы не общались? Года четыре?

— Пять лет...

— Ужас. Ну, рассказывай, как ты? Как Влад? Как бизнес?

Я помолчала, подбирая слова. Врать не хотелось, но и вываливать всё прямо сейчас тоже не было сил.

— Слав, мне нужно уехать из Москвы. Срочно. Хочу перезагрузиться, побыть в тишине. У нас с Владом не всё ладно.

Подруга не стала расспрашивать, лезть в душу, за что я была ей бесконечно благодарна.

— Приезжай, когда угодно! — ответила она просто. — У меня места много, дети уже большие, никого не стеснишь.

— Спасибо... Вот думаю завтра утром выехать. И я не хочу вас стеснять, может, подберёшь мне квартиру в аренду?..

— Не-не-не! Даже слушать не хочу, остановишься у меня и точка. Билеты уже купила? На поезд?

— Нет, сначала самолётом до Ростова, оттуда на такси.

— Отлично. Напиши, когда приземлишься, я закажу тебе машину до Ейска. Тут три часа езды, водители надёжные, я всех знаю. И, Зой, не вешай нос! Что бы там между вами ни случилось, разберёмся.

Попрощавшись, я положила трубку и несколько минут просто сидела, глядя в окно на серое мартовское небо. Где-то там, на юге, ждало море и подруга, которая не станет задавать лишних вопросов, если я сама не захочу ей всё рассказать.

В девять приехала «Газель» с наклейкой на весь кузов: «ПереездМастер». Двое молчаливых грузчиков в синих комбинезонах споро принялись за работу. Я стояла в дверях мастерской и следила, как они выносят коробки одну за другой, как бережно, после моих строгих указаний, спускают по лестнице отцовский верстак.

— Осторожнее с этим, — не выдержала я, когда один из них чуть качнулся на ступеньке.

— Не волнуйтесь, хозяйка, не первый день работаем.

Погрузка заняла около получаса. Я села в свою машину и поехала следом за «Газелью» к складскому комплексу на окраине города. Там, в чистом и сухом боксе с климат-кон-

тролем, мои вещи будут ждать меня столько, сколько понадобится.

Оформила договор на три месяца, оплатила вперёд. Менеджер, молодой парень в очках, профессионально улыбнулся и протянул ключ-карту:

— Доступ круглосуточный. Код от ворот придёт в смс.

Из складского комплекса я направилась в банк. Операционистка, симпатичная женщина лет пятидесяти, оформила мне индивидуальный сейф и молча приняла бархатный мешочек с украшениями. Туда же отправилась большая часть наличности, я оставила себе только двести тысяч на первое время.

Домой вернулась после обеда. Быстро, не позволяя себе думать ни о чём плохом, собрала чемодан: тёплые вещи, удобная обувь, бельё, косметика, лекарства. Оглядела спальню, здесь я засыпала и просыпалась рядом с человеком, которого считала мужем. Здесь болела, выздоравливала, строила планы на будущее.

Влад появился после семи вечера. Я услышала, как хлопнула входная дверь, как загрохотали его шаги по лестнице, и успела достать телефон, включить камеру на запись и приклонить его к вазе на комод так, чтобы объектив смотрел на дверь.

Он ворвался в спальню без стука, лицо красное, перекошенное от злости.

— Какого чёрта, Зоя?! — заорал с порога. — Где деньги?!

Я сидела на краю кровати, сложив руки на коленях. Сердце колотилось где-то в горле, но голос, к моему собственному удивлению, прозвучал ровно:

— Какие деньги, Влад?

— Не строй из себя дуру! Карты пустые! Куда ты их дела?!

— Забрала.

Он осёкся на полуслове, несколько секунд таращился на меня, не веря своим ушам.

— И вообще, как ты посмел залезть в моё приложение? Ах да, конечно! Ты же знаешь все мои пароли. Сам и устанавливал, пока жена с трудом двигалась.

— Не уходи от темы! Куда дела деньги?! Это МОИ деньги!

— Нет, Влад. Это деньги с моих карт. Карт, которые были оформлены на моё имя. Ты сам велел мне собрать вещи и убираться, помнишь? Так вот, я собираю. И забираю то, что принадлежит мне.

— Ничего тебе не принадлежит! — он шагнул ко мне, и я увидела, как побелели костяшки его сжатых кулаков. — Всё моё! Ты здесь никто! Пустое место! Твоё лишь шмотки и обувь.

Я медленно поднялась с кровати, меня начало потряхивать от накатившей ярости.

— Ты украл у меня гораздо больше, Влад. Дом, который купил мне мой отец. Компанию, которую создавала моя семья три поколения. Годы жизни, которые я потратила на тебя. А я всего лишь сняла деньги со своих счетов. Так что не

смей орать на меня!

Он побагровел ещё сильнее. Шагнул ближе, занёс руку...

— Видишь телефон на комодe? Камера всё записывает, и то, что здесь происходит, сохраняется на облачный сервер. Так что если ты меня хоть пальцем тронешь, запись окажется, где надо...

Я могла бы позволить ему нанести удар, но побоялась рецидива, лучше дать ему отпор здоровой, а вот из больничной койки я ничего поделать не смогу.

Рука его дрогнула и опустилась. Лицо исказилось такой ненавистью, что на секунду я по-настоящему испугалась: плевать ему на запись, сейчас ударит, не сдержится... Но нет. Влад был слишком расчётлив для этого. Даже сейчас, в гневе, он просчитывал последствия.

— Ты пожалеешь, — процедил сквозь зубы. — Ты очень сильно пожалеешь о том, что сделала, Зоя.

Развернулся и вышел. Через минуту хлопнула входная дверь, взревел мотор машины, зашуршал гравий на подъездной дорожке. Я стояла посреди спальни и не могла пошевелиться. Ноги стали ватными, руки тряслись. Адреналин схлынул, и меня накрыло такое опустошение, что захотелось лечь прямо на пол и не вставать.

Но вместо этого я подошла к телефону, выключила запись. Потом загрузила видео на ещё одно облако, затем скинула копию на почту Верховцеву с коротким комментарием: «На всякий случай».

Приняла душ, проверила билеты на завтрашний рейс, поставила будильник на пять. Легла в постель и, как ни удивительно, мгновенно уснула, провалившись во тьму, как в омут.

Утро выдалось серым и промозглым. Я быстро оделась, выпила стакан воды, бросила последний взгляд на дом, который больше не был моим, и вышла к такси, заказанному ещё с вечера.

Аэропорт встретил меня гулом голосов, запахом кофе и ощущением странной свободы. Впервые за много лет я никому ничего не была должна. Ни объяснений, ни оправданий, ни улыбок из вежливости.

Регистрация, досмотр, зал ожидания. Самолёт до Ростова вылетел точно по расписанию. Два часа в воздухе я смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу облака и думала о том, что моя прежняя жизнь осталась там, за этой белой ватой. А впереди была неизвестность.

В Ростове меня уже ждала машина, как и обещала Слава. Немолодой водитель в кепке помог погрузить чемоданы, открыл передо мной дверь.

— Располагайтесь, дорога хорошая, часа за три доберёмся.

Я устроилась на заднем сиденье, прислонилась головой к стеклу. За окном потянулись бескрайние поля, редкие лесополосы, маленькие станицы с аккуратными домиками. Небо здесь было выше и светлее, чем в Москве, и в воздухе уже

чувствовался солёный привкус близкого моря.

Ейск показался внезапно: сначала окраины, невзрачные многоэтажки, потом улицы пошире, старые дома с резными наличниками, парк, набережная...

Адрес водитель знал и, свернув на тихую улочку, остановил свою машину у двухэтажного дома за невысоким забором. На крыльце стояла женщина в тёплой куртке и махала мне рукой.

Слава. Я даже не сразу её узнала, располневшая с короткой стрижкой, но с теми же смеющимися карими глазами, что и двадцать лет назад. Я вышла из такси, и она тут же сгребла меня в объятия, крепкие и тёплые.

— Приехала, — выдохнула мне в ухо. — Наконец-то! Ну, пойдём в дом. Я пирожков напекла с яблоками, с капусткой! Уху сварила. И мужнину наливочку достала, она как компотик, но вкуснее, уверена, оценишь...

А я впервые за столько дней непринуждённо улыбнулась, радуясь принятому решению. Нутром чуяла, мне здесь понравится.

Глава 5. Подруга

Дом Славы пах свежей выпечкой и чем-то травяным, тёплым, уютным. Едва я переступила порог, как на меня налетел вихрь из детских голосов.

— Мама, мама, кто это? А она к нам надолго? А она привезла подарки?

Слава шикнула на детей, но без строгости, скорее для порядка.

— Тихо, мелкие! Дайте тёте Зое раздеться. Это моя подруга, мы вместе учились. Она погостит у нас немного. И я вам уже об этом несколько раз сказала, так что ведите себя прилично.

Девочка лет шести с растрёпанными косичками и хитрющими глазами, тут же вцепилась мне в руку.

— А вы из Москвы? А там правда есть метро под землёй? А вы на нём катались? А там страшно?

— Настя! — Слава всплеснула руками. — Дай человеку хоть чаю выпить!

Из-за угла выглянули две абсолютно одинаковых мордашки, близнецы лет четырёх, белобрысые, курносые, с перемазанными чем-то липким щеками.

— Это Ванька и Санька, — представила Слава. — Двое из ларца – одинаковых с лица. Ванька вон тот, который слева, он пошустрее. Санька поспокойнее, но тоже тот ещё парти-

зан, когда надо.

Ванька, услышав своё имя, немедленно подбежал ко мне, задрал голову.

— А у вас конфеты есть?

— Ваня! — подруга покраснела. — Извини, Зой, они у меня дикие совсем.

Я присела на корточки, чтобы оказаться вровень с мальчишками.

— Конфет пока нет, но я обязательно куплю. Договорились?

Оба серьёзно кивнули и умчались куда-то вглубь дома, утащив за собой сестру.

— Пойдём на кухню, — Слава взяла меня под руку. — Настя, присмотри за мелкими. И не давай им лезть к курам! — крикнула она вслед дочери.

Кухня оказалась просторной, светлой, с большим деревянным столом посередине и геранью на подоконниках. На плите булькала кастрюля, распространяя умопомрачительный рыбный аромат.

— Садись, — хозяйка дома усадила меня на табурет, налила чаю из пузатого заварника. — Вот эти пирожки с яблоками, а эти с капустой. Ешь давай, на тебе лица нет, и тощая, как щепка.

Я взяла пирожок, откусила. Он был ещё тёплый, с хрустящей корочкой и сочной начинкой. Было очень вкусно!

— Вкуснотища, — выдохнула я и вдруг почувствовала,

как к глазам подступают слёзы.

Слава молча пододвинула ко мне салфетки.

— Если хочешь, расскажи, — шепнула она. — Если нет, то просто поплачь, всё одно станет полегче.

— Расскажу, держать в себе всё равно сил уже нет...

Я отпила чаю, собираясь с мыслями. С чего начать? С фотографий? С дарственных? С инсульта?

— Папа умер, — сказала я наконец. — Почти четыре года назад, разбился на машине.

Слава охнула, прижала ладонь к губам.

— Господи... Пётр Алексеевич погиб?! Зоя, почему ты мне не сказала?! Я бы приехала!

— У меня не было сил кому-то звонить, на похороны пришли его партнёры и немногие друзья... И всё. А потом у меня случился инсульт.

— Что-о?!

— Да, вот так... Два месяца в больнице, потом реабилитация. Заново училась ходить, говорить, есть ложкой.

Слава смотрела на меня расширенными глазами, и в её взоре плескался неприкрытый ужас.

— Зоя, надо было попросить хоть кого-нибудь мне позвонить. У тебя же из близких только папа и был, ну и Влад, мда. Вот муж мог и позвать твоих друзей, чтобы они разделили с тобой это горе, помогли пережить беду.

Я горько усмехнулась.

— Влад был очень занят, спешно продумывал, как же

оформить на себя мой дом и мою фирму, пока я ничего толком не соображала.

Подруга несколько секунд молчала, переваривая услышанное и с каждым мгновением её лицо становилось всё смурнее.

— Сволочь, — произнесла она тихо, но с такой ненавистью, что я невольно вздрогнула. — Какая же он сволочь. Мразь. Это законно вообще? Как он мог оформить на себя твоё имущество?

— Дал мне подписать бумаги, я же ему верила, как себе. Отвёз к нотариусу, сунул ручку в руку, я и подписала. Не понимая, что подписываю.

— И это законно?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.